

— Что вы тут стоите, как вкопанные! Вставляйте трубку! Готовьтесь к дефибриляции!

Не то ли все решили, что пациентка безнадежна, то ли просто растерялись, но после окрика Чжоу Бупо все наконец пришли в себя и, торопясь, начали вставлять трубку маме Хуцзы.

Чжоу Бупо взял дефибрилятор, глубоко вдохнул и произнес:

— 200 Дж, первый раз!

— Бум! — Раздался звук электрического разряда, тело мамы Хуцзы резко дернулось.

— 300 Дж, второй раз!

— 360 Дж, третий раз!

Три попытки дефибриляции — это предел, но жизненные показатели мамы Хуцзы все равно исчезли. Чжоу Бупо швырнул дефибрилятор и, не сдаваясь, снова и снова надавливал на грудь мамы Хуцзы.

— Очнись, очнись, очнись...

Он бормотал это снова и снова, словно сумасшедший, повторяя одно и то же движение. Он знал только одно: эта женщина не должна умереть, она не может умереть у него на руках. Ведь это его пациентка, его пациентка! Как она может умереть?

Воспоминания нахлынули на него с неистовой силой, словно невидимые когти вцепились в его горло, а горячая кровь заливала его белый халат.

— Верни моего ребенка! Верни мне моего ребенка!

Пронзительные крики, как у призрака, не прекращались в его ушах. Чжоу Бупо отчаянно мотал головой, но не мог избавиться от них:

— Это не моя вина... Я не хотел! Очнись, пожалуйста, очнись...

— Это твоя вина! Я даже после смерти не оставлю тебя в покое! Чжоу Бупо, ты бессовестный врач, рано или поздно тебя настигнет возмездие!

— Я знаю... Я все знаю, отпусти меня, пожалуйста... — Чжоу Бупо бормотал что-то бессвязное, а мама Хуцзы в его глазах то превращалась в окровавленную женщину, то в окоченевшего мертвого младенца. Он продолжал безумно надавливать на грудь, не понимая, кого он пытается спасти. — Очнись, очнись... Прости меня... Пожалуйста...

Он с таким трудом выбрался из бездны ада, встал на ноги и поклялся, что больше никого не допустит смерти у себя на руках. Почему, несмотря на все усилия, он не может избавиться от этого проклятия, словно кошмар? Он спасает людей, но кто спасет его?

— Босс! Босс! Хватит... Остановись!

Лю Сяосинь уже давно кричал рядом с ним и, наконец, не выдержал, оттянув Чжоу Бупо. Увидев его изможденное лицо, он широко раскрыл глаза:

— Босс! Что с тобой происходит?!

Чжоу Бупо медленно пришел в себя, ощущения постепенно возвращались к его лицу. Он услышал шум вокруг, посмотрел на механизмы и, остановив взгляд на спокойном лице мамы Хуцзы, молча вышел из реанимации.

— Доктор Чжоу! Как моя жена?!

— Чжоу Бупо, что с мамой Хуцзы?!

Папа Хуцзы и Лань Шань, увидев его, бросились к нему с тревожными вопросами. Чжоу Бупо безучастно посмотрел на них и молча указал внутрь.

— Моя жена... — Папа Хуцзы отшатнулся, увидев выражение лица Чжоу Бупо, и, поняв результат, глубоко вдохнул и бросился в реанимацию, спотыкаясь. — Мама моя, аааааа! Как ты могла оставить меня одну, аааааа!

Лань Шань, увидев странное и рассеянное состояние Чжоу Бупо, испугался, с трудом веря, схватил его за руку:

— Чжоу Бупо, что случилось с мамой Хуцзы?! Неужели она действительно...!

— ...

— Говори же! — Лань Шань отчаянно тряс его.

— ...

Чжоу Бупо оставался безучастным, мельком взглянул на него, убрал руку Лань Шаня и быстро направился к выходу из больницы. Сзади доносились рыдания папы Хуцзы, а Лань Шань, растерянный, не знал, что делать.

Чжоу Бупо шел, срывая с груди свою табличку с именем и бросая ее, затем снял белый халат и с силой швырнул его на землю.

Этот халат был слишком тяжел и утомителен, имя Чжоу Бупо было слишком грязным, и оно заслуживало, чтобы его топтали тысячи ног.

Чжоу Бупо вернулся домой, даже не включив свет, и просидел в темноте всю ночь.

Кровавые воспоминания нахлынули на него, он уже не помнил, когда это произошло, кажется, давно, а кажется, вчера.

Тогда он, вернувшись из-за границы после учебы, успешно устроился в одну из известнейших больниц Пекина, где большинство старших специалистов и даже директор были коллегами его родителей. Чжоу Бупо был в привилегированном положении, благодаря своим выдающимся медицинским навыкам его считали будущей звездой медицины.

Он был молод, красив, из хорошей семьи и обладал способностями, что не могло не вызывать у него гордости и высокомерия. Он никого не ставил в грош, даже жизнь.

Эта профессия казалась ему слишком легкой, ему не нужно было напрягаться, но он мог управлять чужими жизнями. Какие бы сложные случаи ни были, он мог их решить. Те ужасные медицинские инциденты, которые он слышал, были для него лишь шутками о некомпетентных врачах. Он злорадствовал, насмехался, но никогда не выражал ни капли скорби или сочувствия к умершим.

Пока не произошло то событие, Чжоу Бупо наконец понял, почему врачей называют представителями опасной профессии.

Это было слишком глубоко, слишком ужасно, он никогда не думал, что несчастье постигнет его. Те холодные хирургические инструменты больше не казались ему средствами спасения, а орудиями убийства.

Кто-то может сказать, что работа врача — это игра жизни и смерти, третьего выбора нет. Врачи — это обычные люди, как бы ни были они искусны, рано или поздно они могут ошибиться. Мы должны проявлять терпимость и понимание.

Но, к сожалению, это невозможно.

Большинство людей поверхностны, они считают, что врачи обязаны спасать жизни, и если кто-то умирает на их руках, это воспринимается как катастрофа. Принцип «заслуги и ошибки» в этой профессии не работает.

Но разве есть врач, на счету которого нет ни одного инцидента? Лечение болезней и смерть пациентов — это норма жизни. Чжоу Бупо не раз утешал себя этим, но результаты были слишком болезненными.

Потому что его случай был другим. Это не было случайностью или ошибкой, это был его грех, две жизни — большую и маленькую — он убил.

Чжоу Бупо закрыл лицо руками, тихо рыдая, снова и снова каясь, но его спина оставалась ледяной, он дрожал, не находя ни капли утешения или освобождения, пока не взошло солнце, и его лучи не осветили его. Чжоу Бупо медленно очнулся от жестоких воспоминаний.

Лань Шань также не вернулся домой, вероятно, остался в больнице, и Чжоу Бупо не знал, как обстоят дела сейчас. Он привел себя в порядок и вышел из дома, что бы ни случилось, он должен был с этим столкнуться.

Еще не доехав до больницы, Чжоу Бупо увидел Лю Сяосиня, который отчаянно махал ему на перекрестке, видимо, ждал его уже давно.

Чжоу Бупо с удивлением остановил машину, Лю Сяосинь сел внутрь и сказал:

— Босс, ни в коем случае не идите через главный вход, заходите с черного хода!

— Почему?

— Увидите сами! Быстрее! Если вас увидят, будет беда!

Под настойчивыми уговорами Лю Сяосиня Чжоу Бупо завел машину и, проезжая мимо главного входа больницы, увидел толпу людей, среди которых были и журналисты. Особое внимание привлекал огромный черный баннер с белыми иероглифами: «Чжоу Бупо, ты убийца! Без совести и морали! Верните нам родного человека! Требуем справедливости!»

— Вот, видишь, это все против тебя, — Лю Сяосинь указал через стекло. — Сегодня утром, еще до открытия больницы, уже было такое. Если ты сейчас пойдешь туда, тебя разорвут на куски!

Чжоу Бупо усмехнулся, ожидая такого развития событий. Увидев, как Хуцзы с громкоговорителем в руках размахивает руками, а вокруг него люди в черных повязках плачут

и шумят, создавая шумную атмосферу, Чжоу Бупо не удержался от саркастической улыбки:

— Эти люди, наверное, наняты для этого шоу, неплохо играют, как будто действительно скорбят по своим родителям.

— Эх, это старые трюки, наверное, все было подготовлено заранее, просто ждали, когда кто-то умрет у тебя на руках. Не ожидал, что этот Хуцзы такой подлец! Это ведь его родная мать!

— Люди готовы на все ради денег, а птицы — ради еды. Для таких людей мать стоит не больше, чем грош, — Чжоу Бупо нажал на газ, чтобы не видеть этого безобразия. — Как там Лань Шань и папа Хуцзы? Надеюсь, они не ввязались в это.

<http://bllate.org/book/16786/1543610>